

Проснувшись после очередного кошмара, он не осмеливался вновь закрыть глаза, лишь ждал рассвета, чтобы поскорее с головой уйти в дела.

День за днем, ночь за ночью его терзали муки, он метался в постели, словно путник, бредущий по бесконечной темной дороге, где не видно ни конца, ни света, ни будущего.

— Оказывается, за все те ужасы, что он пережил в детстве, лишившись матери и крова, он должен был благодарить именно ЦАО Цзе и Чжуан Цзяня...

Он посылал людей, чтобы глава суда Дали разыскал Чжуан Цзяня, но не знал, что тот уже давно был рядом. С самого начала это была предрешенная партия, в которой не было шансов на спасение.

Его сердце уже давно узнало Чжуан Цзяня, он изучил его голос, его лицо, его улыбку: У тебя лицо круглое, словно гусиное яйцо, что сулит удачу, брови тонкие и изящные, а взгляд пронзительный. Губы тонкие — настоящий мастер красноречия. Глаза слишком живые и переменчивые, никто не поймет, куда они устремлены. Ты всегда смотришь сквозь собеседника вдаль? Ты больше смеешься, чем грустишь, больше радуешься, чем сетуешь, и хотя с виду кажешься прохвостом, в душе ты добр. Неужели за тридцать лет никто так и не разглядел твоего истинного лица?

Он ненавидел его за то, что влюбился, сам того не осознавая: Каждый раз, глядя на тебя, мне кажется, что я уже встречал тебя раньше. Слово я рожден с любовью к такому облику. Будь на твоём месте кто-то другой, совершивший столько ошибок, я бы давно лишил его жизни. Только с тобой я терпел и сдерживал гнев, видя тебя, я все равно испытывал неизъяснимую радость. Кто ты такой? Почему появился рядом со мной? Неужели небо послало тебя, чтобы возместить мои потери?

Чжоу Вэйчжуан, ты ведь всегда будешь рядом со мной, правда?

Как же быть? Чжоу Вэйчжуан, что мне делать, если я забуду его?

— Тот, кто внутри игры, ослеплен ею. Тот, кто теряет рассудок, в конце концов становится добычей, которую отдают на заклятие, и погибает в страданиях.

Он приказал арестовать Янь Ши. Наверное, сейчас его сердце разрывается от боли?

Они вдвоем знали друг друга с юности и вместе совершили тяжкое преступление. В суде Дали он своими глазами видел, как возлюбленный погиб по его же приказу. Он, так боявшийся смерти, — какая жгучая ненависть и скорбь теперь терзают его душу?!

А он, Лю Юби, изливал душу убийце своей матери. И он же слушал признания того, кто убил его возлюбленного.

В моем сердце лишь одно заветное желание, оно то затихает, то вспыхивает вновь, не давая покоя. Ради него я готов отдать всё. День, когда я взойду на престол, станет тем самым часом, когда исполнится моя мечта. Не знаю, будет ли тогда кто-то рядом, чтобы вместе со мной любоваться полной луной, освещающей земли империи? — Он коснулся пальцами его черных волос, они скользили, словно струящаяся шелковая нить, утекая сквозь ладонь.

Чжоу Вэйчжуан, луна в небе светит над десятью тысячами городов, но я хочу, чтобы она светила лишь одному человеку.

Миллионы ли просторов, высокие дворцы — где мой настоящий дом? Чжоу Вэйчжуан.

— Чжуан Цзянь, этот мир так нелеп и абсурден. Если бы ты услышал мои признания, не разорвалось бы твое сердце от боли?!

Он прятал под подушкой короткий клинок, напоминая себе, что нельзя забывать о кровавой мести за мать. Но ради него он лишился остатков достоинства и, преклонив колени, молил о жизни.

Он закричал, не сдерживая слез: Увидев, что ты ранен, я почувствовал такую боль! Чжоу Вэйчжуан! Я лучше сам умру, чем позволю тебе пострадать! Мое сердце так болит! — Он искренне выражал свои чувства, душа его была в смятении, он плакал, не скрываясь.

— Чжуан Цзянь, ты то убивал его, то спасал, словно холодно наблюдая со стороны за его жизнью, смертью, горем, ненавистью и радостью.

Между ними была глубокая вражда, замешанная на кровной мести. Но они стали единым целым.

Ты — принц Цзинь, путешествующий на облаках? Или, может, поэт Сун Юй?

Однажды я встретил человека: с виду обычный, но в лунном свете он был прекрасен, как божество. Это воспоминание надолго врезалось мне в память. Чжоу Вэйчжуан, ты — дар небес, как я могу выбросить тебя, словно призрачный сон, унесенный опавшими цветами?

Луна взошла над западным теремом, сияя сквозь века. Ветер и снег, холод, длинная ночь в одиночестве. Одному холодно и тоскливо, но вдвоем можно скоротать и закат, и рассвет.

— Чжуан Цзянь, Чжуан Цзянь, твое молчание — это насмешка над моей любовью, это оскорбление моих чувств.

Слишком много было обид и любви, но в конце концов всё свелось к одной фразе.

Я больше не поеду в Чанъань.

Чжоу Вэйчжуан, ты посмел угрожать мне! Вернувшись в Чанъань, я взойду на трон! Как ты смеешь препятствовать мне?!

В людских сердцах лишь обман и коварство, истинна лишь императорская власть.

Прости, Чжоу Вэйчжуан ушел в ту ночь, когда солдаты Цао устроили беспорядки. Он просил наследного принца стать достойным правителем. Прошу, пусть Его Высочество запомнит это. Чжоу Вэйчжуан и Чжуан Цзянь — это два разных человека, запомните это, Ваше Высочество. — Чжуан Цзянь снял небольшую печать, висевшую у него на шее, и бросил на землю.

Это подарок императрицы Цао для Чжоу Вэйчжуана, чтобы тот защищал наследного принца. Скоро Его Высочество взойдет на престол, и Чжоу Вэйчжуан выполнил свой долг, теперь он свободен от поручения.

Без трона у него не осталось ни матери, ни отца, ни родных, ни возлюбленного — ничего. Друг обманул его, отец издал указ, приемная мать убила его семью, обрекла его мать и двоих детей на гибель в одиноком городе, разлучила с близкими, заставила пережить столько унижений.

Спустя десять лет эта ненависть вновь обрушилась на него... Оказалось, наследный принц Лю

Юби сжимал в руках пионы, его руки были в крови, а сердце в шрамах... Всё в этом мире — лишь шутка и сон. У каждого свои причины поступать так, как он поступает, у каждого свои скрытые раны и боль, и не стоит ждать от других сострадания.

Люди часто говорят, что весенний ветер разгоняет печаль, что стоит только захотеть — и всё пройдет, но как вернуть к жизни покойную мать, чтобы она могла снова радоваться?

Мир твердит: улыбнись — и вражда исчезнет. Значит, Чжуан Цзянь спас его, обманул его, а теперь должен улыбнуться, чтобы вражда была забыта?!

Нет родителей, которые не правы, — вот только его приемная мать плела интриги, родной отец подталкивал их, а дядя стал мечом, убившим его мать и его самого. А его заставляют признать, что родители всегда правы!

Эти доводы, добродетели, чувства и узлы сплелись в кокон, сжимающий его сердце, испытывающий его разум, закаляющий его чувства и отнимающий жизнь... Душащий его, унижающий его, вынуждающий... Не оставляющий пути к жизни, толкающий в бездну.

Лю Юби смотрел на свои руки. Эта шутка наконец подошла к концу, долгий сон развеялся.

Кто прав, кто виноват? Кто добр, кто зол? У кого была скрытая боль? Кто спасал его, а кто губил? Кого он любил и кто любил его? Всё это уже не важно.

Важно лишь одно: реальность такова.

Он опустил взгляд на обломки камня, который казался красным, а стал зеленым. Осколки — как разбитое сердце. Можно ли починить разбитое сердце? Может ли утекшая вода вернуться обратно? Плывущие огни на воде, качаясь, уплыли прочь, их уже не вернуть.

Всё прошло, и ничто не вернется.

Лю Юби поднял голову, его лицо было залито слезами. Он зарыдал в голос: Сюда! Принесите мемориалы!

Ван Цзычан поспешно опустился на колени, ожидая указа.

Лю Юби произнес: Императрицу разжаловать в простолюдины, ждать дальнейшего решения. Чжуан Цзянь — казнить.

Сказав это, наследный принц Лю Юби медленно осел среди цветов и зарыдал.

Всё в этом мире, если оно прошло, никогда не вернется.

Человек, живя на свете, всегда должен от чего-то отказаться, чтобы что-то получить. Стоит ли это того, счастлив ли он — это как теснота обуви или тепло одежды: не нужно говорить, каждый знает сам, сам несет бремя удач и бед.

Хотя еще не пришло время весенней оттепели, теплые ветры уже прогнали снег. Всюду зазеленела молодая листва, распустились ранние цветы, улицы Чанъяня, словно украшенные розовой каймой, окутаны туманной дымкой.

Весенняя ночь — самое чарующее время.

В ту ночь суд Дали вершил расправу над преступником.

Дело об убийстве Сян было раскрыто, но в конце концов это было дело императорской семьи, а сор из избы не выносят. Имена семьи императрицы нельзя было оглашать во всеуслышание или вносить в официальные хроники. Мемориал вернули из секретариата в суд Дали.

В материалах дела значилось: Вина Чжуан Цзяня и офицера Императорской гвардии Янь Ши в заговоре, подстрекательстве мятежных солдат и убийстве императорской супруги доказана, улики неоспоримы. Поскольку главный зачинщик Янь Ши мертв, а род Чжуан издавна служил чиновниками, император, памятуя о прошлых заслугах, смягчил наказание за тяжкое государственное преступление — приговорить к смерти.

После того как император (рукой наследного принца) подписал указ, его немедленно передали в суд Дали для исполнения. Ло Аошэн приказал очистить зал, все присутствующие, включая преступника, опустились на колени. Слышалась лишь тишина.

Хотя подобный исход был ожидаем, люди втайне думали о том, что участь Чжуан Цзяня незавидна: в этом громком деле все погибли, сошли с ума или были убиты ради молчания. Приходилось найти виновного, чтобы успокоить общество. Не то чтобы Чжуан Цзяню не повезло, просто любой на его месте закончил бы так же.

Только вот этим человеком стал именно Чжуан Цзянь.

Человек добрый, чуткий, благородный, вызывающий симпатию и восхищение. От этого на душе становилось особенно печально.

Чжуан Цзянь склонил голову, слушая указ. Его лицо было спокойным. Теперь, когда все тревоги последних лет улеглись, на душе стало ясно и чисто. Правый советник и остальные не смели смотреть в лицо Ло Аошэну. Тот же, выслушав указ, остался невозмутим — он ждал этого.

Все понимали: этот итог был ожидаем, но несправедлив и противоречил закону. Человеком, который не имел значения, прикрыли преступление императрицы, соучастие императора и расправу над политическими врагами. Это было ясно даже семилетнему ребенку.

В этом мире слишком много безысходности, и одной больше, одной меньше — неважно. Небеса не могут гарантировать, что справедливость прольется дождем на всех, зато позволяют простым людям нести бремя ответственности, вины и раскаяния...

Ло Аошэн принял указ и спросил: Его Высочество наследный принц уточнил, каким именно способом исполнить казнь?

Оглашавший указ евнух Ван Цзычан слегка задрожал: Принц не уточнял. Да и никто не осмелился бы спросить.

Ло Аошэн спокойно ответил: Раз мы должны хранить достоинство семьи чиновников, отсечение головы повредит тело, что нарушит милость императора. Пусть Цзунчжэнсы принесет яд.

В Ханьской династии аристократам и вассалам обычно даровали яд. Во-первых, это проявление великой милости, позволяющее уйти без мучений, во-вторых — способ избежать увечий тела,

сохранив его целостность, как того требуют мудрецы.

В зале суда царила суровая атмосфера, ярко горели светильники. Стража выстроилась в ряд. Ло Аошэн опустил взгляд на Чжуан Цзяня; в его душе теснились тысячи слов, но все они вмиг исчезли.

Лишь пара черных глаз смотрела на Чжуан Цзяня — спокойная, как вода, и твердая, как железо. Под этим взглядом Чжуан Цзянь слегка дрожал.

Ло Аошэн тихо спросил: Если у тебя есть незавершенные дела, я могу помочь тебе исполнить твоё желание.

Чжуан Цзянь покачал головой: У меня не осталось незаконченных дел.

Ло Аошэн спросил: Есть ещё что сказать?

Чжуан Цзянь ответил: Больше мне нечего сказать.

Ло Аошэн лично взял чашу из шкатулки евнуха — золотая нить, драгоценный нефрит, чаша была ледяной на ощупь. Он подошел к Чжуан Цзяню и вздохнул: Тебе не стоит никого винить...

Чжуан Цзянь тихо заговорил, голос его лился, как полноводная река, устремленная на восток: ...Я никого не виню. В мире много вещей, которые не хочется делать, но приходится. Ему тоже будет больно, но прошу, пусть он не грустит. Если люди будут смотреть на всё проще, жить станет легче. В этом мире нет пира, который не заканчивается, люди в конце концов расстанутся. — На этих словах голос Чжуан Цзяня чуть дрогнул.

Он продолжил: У меня нет ничего, что я не мог бы сказать или сделать. В сердце не осталось привязанностей. Лишь одно слово — прости — я хочу сказать двоим людям. Пусть берегут себя. И пусть смотрят на мир проще.

Ло Аошэн вздрогнул. Говорят, перед смертью слова человека искренни. Он был глубоко тронут, чаша в руке казалась тяжелее тысячи цзиней, пальцы дрожали. Он не смог подойти ближе, и чашу забрал правый советник суда Дали.

Выпей это вино, и начни жизнь заново.

Чжуан Цзянь улыбнулся: Эта чаша вина — долги уплачены, жизнь возвращена, я больше никому ничего не должен.

Не дожидаясь, пока кто-то поможет, он сам взял чашу. На его лице появилась слабая улыбка. Он прошептал: И вправду, судьба играет людьми, всё в этом мире циклично. Десять лет назад именно этот яд был поднесен консорт Чжан. Сегодня круг замкнулся. Оказывается, эти десять лет были лишь весенним сном...

Его взгляд затуманился: Десять лет пролетели, как один миг.

Десять лет скитаний по свету, бегства, попыток попасть во дворец. Стихи, таланты, спасение господина, жажда любви, недолгие чувства — всё это был лишь сон...

Сказав это, он осушил чашу одним глотком. Яд действовал мгновенно, Чжуан Цзянь упал и скончался.

Наследный принц Лю Юй всю ночь ждал в саду пионов. Когда на рассвете следующего дня Ван Цзычан вернулся во дворец, глаза Лю Юя были опухшими от слез — он проплакал всю ночь.

Ван Цзычан не смел смотреть на него, доложив, что преступник казнен ядом, суд Дали и Цзунчжэнсы осмотрели тело, дело закрыто, а тело дожидается родственников.

Ван Цзычан повторил последние слова Чжуан Цзяня: Ему тоже будет больно, но прошу, пусть он не грустит. Если люди будут смотреть на всё проще, жить станет легче. В этом мире нет пира, который не заканчивается, люди в конце концов расстаются.

На сердце у Лю Юби было пусто, слова не вызвали ни чувств, ни понимания. Через некоторое время он с трудом спросил: Так за телом преступника никто не пришел?

Ван Цзычан побледнел и лишь спустя долгое время дрожащим голосом ответил: Раб... подумал об этом. Но получить его невозможно.

Он с ужасом глядел на недоуменное лицо Лю Юби и произносил слово за словом: В суде Дали сказали: если при жизни никто не хотел признавать преступника, то после смерти тем более никто не придет. А Ваше Высочество — человек посторонний, тем более не станете требовать тело. Если бы кто-то хотел его забрать, то сделал бы это при жизни!

Ван Цзычан закончил, боясь взглянуть на принца, и, набравшись смелости, выпалил последнее: — Тела, которые никто не забирает, заворачивают в циновку и выбрасывают в Волчью балку в горах!

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Лю Юби закричал и рухнул на землю. Казалось, под ним разверзлась бездна, в которую он провалился. В одно мгновение его словно выпотрошили, показав ему его же окровавленные внутренности — Лю Юби обезумел от ужаса.

Его сердце было разорвано пополам. Сможет ли он теперь жить?! Его сердце вырвали с корнем, как же он будет принцем, императором?

Лю Юби охватила невыносимая боль. Он схватился за грудь и, задыхаясь, прошептал: Цзычан, мое сердце выпало, больно, скорее, помоги мне найти...

Ван Цзычан, дрожа, опустился на колени и стал шарить по земле: Ваше Высочество, здесь ничего нет, прошу, успокойтесь.

Лю Юби рыдал: Цзычан, мое сердце так болит, словно его больше нет, ищи еще...

Ван Цзычан был сам не свой. Он вдруг вскочил: Я доложу императрице! Но тут же остановился, осознав: Императрица под арестом в Цзунчжэнсы!

Лю Юби бессильно упал на землю. Голос его слабел, Ван Цзычан поддерживал его, умоляя прийти в себя. Лю Юби плакал: Цзычан, я умираю?!

Ноги Ван Цзычана подкосились, он сел на землю, поддерживая наследника и повторяя, что тот говорит глупости.

Лю Юби завыл: Цзычан, как больно! — Вдруг он что-то вспомнил и вцепился в Ван Цзычана: Ван Цзычан, где Чжоу Вэйчжуан?! Чжоу Вэйчжуан! Разве не он каждый раз спасал меня?! Он

всегда был рядом! Где он? Скорее позови его!

Ван Цзычан смотрел на него. Он не мог сказать, не смел, но и молчать уже не мог. Его голос хрипел: Ваше Высочество, этот Чжоу Вэйчжуан был казнен по вашему приказу.

Лю Юби показалось, что вокруг сгустился ядовитый туман, который душит его. В горле стало сладко, он выплюнул полный рот крови и не мог вдохнуть!

Ван Цзычан, наконец, нашел в себе силы сказать то, что давно лежало на сердце:

Ваше Высочество, мертвые не возвращаются. Ваша матушка не вернется, Чжоу Вэйчжуан не вернется. И если умрет императрица — она тоже не вернется! Вам жаль матушку, а Чжоу Вэйчжуан скрыл от вас имя, обманул вас, и теперь вы ранены в самое сердце... Но, Ваше Высочество, убивать живых ради мертвых — вы совершили ошибку.

Лю Юби смотрел на него так, словно его пронзили ножом.

Ван Цзычан, дрожа, но с безразличным лицом продолжал: Генерал Пэй говорил, что Чжоу Вэйчжуан просил вас отказаться от трона и уйти с ним, но это вы выбрали возвращение в Чанъань. Чжоу Вэйчжуан не обманывал вас, это вы не захотели отказаться от власти...

Лю Юби вдруг вспомнил слова Чжоу Вэйчжуана (Чжуан Цзяня): Если ты не хочешь ехать, я могу прийти! Он действительно любил его и хотел быть с ним.

Ты толкаешь меня на смерть, Лю Юби! — Вернувшись в Чанъань, он неизбежно окажется в оковах власти и морали, и убьет Чжуан Цзяня.

Алчность оставит тебя с пустыми руками...

С пустыми руками...

Несколько дней спустя.

Император Юаньхэ скончался, новый император взошел на престол. Траур длился десять дней.

Нового императора звали Лю Фу, его девиз — Пин (Мирный). Император Пин был человеком кротким, добродетельным и рассудительным. Он вырос среди простого народа, знал о всех их страданиях, был милосерден к людям и не любил войн. При нем страна отдыхала, люди возделывали поля, торговали, закрома наполнялись, казна росла.

Страна крепла, враги почти не нападали, народ был доволен. Он правил с четырнадцати лет до шестидесяти трех. Хотя он был склонен к излишествам, к счастью, смог сохранить наследие великой Хань и обеспечить эпоху возрождения, за что и получил прозвище Пин.

Когда Лю Фу взошел на престол, бывший глава суда Дали Ло Аошэн подал в отставку. В прошении он написал, что, имея славу судьи, он на деле нарушал закон, ставя личные чувства выше долга, что недостойно звания судьи.

Лю Фу отказал ему, сказав, что приемный отец Ло Аошэна неоднократно говорил, что для управления страной достаточно одного Ло Аошэна. Он дал отпор мятежнику Цинь Сэню,

совершив великий подвиг, и не было в нем предвзятости. Если Ло Аошэн хочет уйти, пусть заберет с собой и его. Ло Аошэн обещал вернуть его приемному отцу Чжуан Цзяню, так как же он может уйти, не исполнив обещания?

Эти слова были коварными. Наверное, кто-то вроде Цай Вансуня научил его так говорить. Где Ло Аошэну найти бессмертного Чжуан Цзяня?

Ло Аошэн был назначен канцлером секретариата, но по неизвестной причине твердо отказался от должности в суде Дали. Позже на должность главы суда назначили Чжан Линя.

В день восшествия на престол Лю Фу уже знал, что Чжуан Цзянь казнен.

<http://bllate.org/book/21149/2144296>